

ная жанровая проблема. Самая сложная! Проблема подачи материала, проблема реализации драматургии. Меня цирк как один из самых острых жанров интересовал всегда. Много лет тому назад в Театре на Таганке я выпустил спектакль по пьесе Злотникова «Сцены у фонтана» и в нем попробовал смешение жанров, которое вот уже (страшно сказать!) 25 лет тащу по многим своим работам. И спектакль начинался с того, что два замечательных артиста, Золотухин и Филатов, играли психологическую сцену, через несколько секунд взлетая на высочайшую цирковую трапецию, где начиналась эквилибристика. Через некоторое время они возвращались на сцену, и начинался балет. Буквально - классический балет. Естественно, он пародировался. Все это - и цирк, и опера, и клоунада у меня выстроены для драматических артистов, и я пытался из этих жанров брать их самые выразительные средства. Так началось тогда и продолжается до последнего времени. Несколько лет назад я делал простую бытовую пьесу «Прекрасное лекарство от тоски» того же Семена Злотникова. Автор называет место действия: «обычная двухкомнатная квартира в Санкт-Петербурге. Здесь живут люди, бывшие артисты балета, и мы понимаем, что они объездили весь мир. Понимаем по тому, что есть в их комнатах...» С другой стороны, я вижу, что это колоссально смысловая пьеса. Что сценическое пространство должно быть свободным, нельзя его забить вещами. И мы с Борей Лысиковым, опытейшим театральным художником, не могли сообразить, что нам делать. Я говорил: «Понимаешь, на сцене должна быть насыщенная предметами двухкомнатная квартира - богатая и красивая. И в то же время абсолютно свободное пространство, потому что там будет классический балетный танец». Мы никак не могли придумать. Моя дочь Маша, которая тогда училась в Училище 1905 года, предложила сделать балетный зал, весь в зеркалах. Герои занимают у станка, и через некоторое время в зеркалах отражается их жизнь, их быт. «Как это? Это невозможно!» - сказали мы с Лысиковым. «Как это невозможно?! В цирке же это делают!» - ответила Маша. И мы обратились к Кию, он пришел и долго с нами сидел, рисовал, рассчитывал, как сделать, чтобы свет, отражаясь, не попадал в глаза артисту, чтобы зеркало мягко выводило нужную нам картинку. Вот вам один пример. Второй - мне в моих «Чайках» понадобилось, чтобы чайка ожидала и улетала в зрительный зал. В акунинской «Чайке» мне нужно, чтобы чайка - то самое чучело, которое хотел иметь Тригорин, - ожила и улетала через весь зрительный зал. Мы долго думали и придумали некий цирковой номер. Реквизит изготовили в мастерских Московского цирка. И чайка действительно улетает. А когда делали оперетту, я поставил перед своей постановочной частью просто невыполнимую задачу. В конце спектакля все участники выходят на сцену и поют, как мы счастливо разрешим все чеховские сюжеты: «Сестры в Москве будут жить-поживать, небо в алмазах для всех засияет...» В таком финале Треплев не стреляется, к нему прилетает его чайка, и ко всем персонажам прилетает по чайке. Они стоят в черных фраках и платьях, и к

каждому прилетает белая чайка. Это нам сделал известный фокусник Рафаэль.

- Откройте секрет, Иосиф Леонидович: как это делается? Уж не механизмы ли с дистанционным управлением, как в авиамоделях?

- Там невидимые нити уходят в потолок.

- Работа исправно, без сбоев?

- В последнем спектакле из десяти чакет четыре не долетели, и я четверым людям объявил выговор. Это вам про иллюзион. А уж клоунада... Ее сам цирк позаимствовал у театра. Неслучайно хороший клоун Юрий Никулин стал замечательным драматическим артистом...

- А легендарный Енгибаров был, по сути, и тем и другим...

- Много лет назад я поступил в ленинградский театральный институт, из которого меня потом успешно выгнали. Учился у выдающегося педагога Бориса Вульфовича Зона. На первом курсе, чтобы раскрепостить драматического артиста, разбудить фантазию, принято играть в цирк. Я со своими учениками тоже это делаю. Студенты показывают жонглера с воображаемыми шарами, дрессировщика с собачкой...

- Воображаемой?

- Нет, собачку играет другой студент. И Зон сказал: «Выбирайте любые цирковые амплуа - фокусника, эквилибриста, акробата. Кроме одного - кроме клоуна. Клоуна нельзя». И когда мы спросили почему, он ответил, что клоун - это драматический артист очень высокого класса. «Даже когда вы окончите институт и станете играть в театре и сниматься в кино, еще не факт, что вы сможете быть клоуном», - ответил Зон, и теперь я понимаю, о чем он говорил.

- Действительно, драматический артист-клоун - большая редкость. Особенно клоуесса. Такой была Фаина Георгиевна Раневская. Из нынешних - Татьяна Васильева.

- Да. Так что сами видите: театр и цирк переплетены.

- Попробуем сформулировать задачи, которые ставят перед собой цирк и театр. Цирк хочет: «а» - рассмешить, «б» - напугать (чтобы волновались: упадет - не упадет, откусит ему тигр голову или не откусит) и «в» - сделать красиво. Театр тоже всего этого хочет, потому ставит комедии и фарсы, чтобы развеселить; триллеры, чтобы напугать и заставить волноваться, и love-story, где все красиво: костюмы, роли, оформление и свет. Все, что есть в цирке, - есть и в театре. Но может быть, в театре есть нечто свое, чего нет в цирке?

- Прежде всего, в театре есть литература, диалог.

- В цирке диалог тоже есть, правда, только у клоунов...

- И заметьте, чем лучше клоун, тем меньше он говорит.

- Мне представляется, для многих людей можно подобрать по жизни цирковое амплуа. Этот - шпехталмейстер, пыгается всех расставить по местам. Этот - устраивает иллюзион. Попробуйте определить самого себя в цирковых профессиях. Кто вы, Иосиф Леонидович?

- Дрессировщик. Любой режиссер - дрессировщик, в основном - диких животных.

- Слава богу, хотя бы голову вам в театре не откусят.

- Но все равно, ощущение близкое если не к зоопарку, то к рискованному аттракциону.

- Есть в театре понятие гэга, его любят многие режиссеры. Гэг в близком родстве с цирковым трюком. Вы любите гэги?

- Конечно. Мне всегда важно не то что обмануть - а удивить зрителя.

- Ваш спектакль «Прекрасное лекарство от тоски» можно было сделать как цирковое действо, где два актера - два «белых» клоуна, с их трагикомическим восприятием жизни...

- Конечно. Теперь я это понял. Но спектакля уже нет, я снял его. Там было много цирковых приемов. Герой хочет принять яд, наливает в стакан. И стакан множится в четырнадцать зеркалах... Там была цирковая сценография, но в остальном - ни режиссер, ни актеры это не вытупали.

- Элементы цирка могут встретиться в любой пьесе - хоть в «Чайке», хоть в трагедии «Эдип-царь», как у молодого режиссера Андрея Прикотенко. Какую драматургию предпочитаете вы?

- Знаете, Света, я читаю огромное количество пьес. Моя схема очень проста: есть пьесы, которые сразу возбуждают собственные сюжеты, собственные ассоциации. Пьеса имеет к тебе отношение. Или не имеет. Самая замечательная - но не твоя. Поэтому мне трудно читать западные пьесы. Как только увижу, что героев зовут Джон, Мэри... черт его знает, может, там все нормально, но они чужие.

- У каждого человека есть представление о том, что в жизни можно и чего нельзя. У вас как режиссера есть такое представление: чего на сцене категорически не может быть и что, наоборот, имеет право на жизнь?

- Есть. В семье меня окружают женщины: жена, две дочери и мама. И когда я читаю очередную пьесу, например «Пластидин», я думаю: а мог бы я смотреть это, сидя рядом с мамой? Вот «Пластидин» - хорошая, сильная пьеса. Но не мог бы. Хотел бы я, чтобы мои дочери это смотрели и слушали? Не хотел, как бы талантливо ни поставил Серебренников. «Пластидин» получил Антибукеровскую премию. Несмотря на мое противодействие. И как только его назвали лучшей пьесой России (по-моему, Стоппард сделал это легкомысленно), хлынул поток пьес более слабых художественно, но не уступающих в свободе выражения. Я это наблюдаю, читая пьесы на конкурс «Действующие лица». Молодая девушка Ксения Степанывева из Саратова, которая получила в этом году Первую премию, год назад участвовала с очень хорошей пьесой «Стафф». Там было половина ненормативной, как принято говорить, лексики.

- И последний вопрос. В цирке актер нередко рискует жизнью. А в театре?

- Профессия актера в театре не менее опасна. Если в цирке он рискует «физикой», то в театре - «физиологией», психикой, поскольку он, как сильно портящийся продукт, должен поддерживать себя в «свежевыпеченном» виде.

**Беседу вела
Светлана Новикова-Ганеллна**